

И. Литвак

Чудесное путешествие

Христианская сказка для детей

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2000

Содержание

- Вместо предисловия
Глава I
в которой жители Тридевятого царства благоденствуют, а старец Афанасий уходит
в затвор
Глава 2.
О том, как вода в реке Белой стала волшебной
Глава 3.
О том, как бабка Агафья помогала людям
Глава 4,
в которой, наконец, появляется главный герой
Глава 5.
Гоблины преподносят Эрику не совсем приятный сюрприз
Глава 6,
в которой Эрик принимает утреннюю ванну
Глава 7.
Старичок раскрывает Эрику тайну ночных огоньков
Глава 8.
Старые приятели
Глава 9.
В ней Иван узнает историю бабки Аги и в первый раз встречается с врагом
Глава 10,
в которой Иван-богатырь проходит через главное испытание
Глава 11,
в которой мы снова встречаемся с Эриком и его попутчиками
Глава 12,
в которой Эрик встречается с татайским императором и отправляется в
долгожданный поход
Глава 13.
Эрик узнает секрет татайских монахов
Глава 14.
Поединок монахов
Глава 15.
Битва с драконом
Глава 16.
Заключительная

Вместо предисловия

Каждый раз, когда я вспоминаю эту историю, то не перестаю удивляться: почему такая упорная борьба происходила за самого что ни на есть обыкновенного мальчишку?! Ладно, был бы он королевской крови, например, сыном великого татайского императора Дзи ДзЯня, или хотя бы sveйнландского короля ГУстава Рыжебородого. Так нет!

Правда, его отец – кукольник Ольнер – был, в своем роде, известным человеком. Даже король Густав играл в игрушки, сделанные его искусными руками, конечно, когда был маленьким!

И все же поверьте мне на слово – Эрик был обычным мальчуганом, каких в его городе насчитывалось великое множество...

Но, может быть, я ошибаюсь, и мои юные читатели смогут разрешить мое недоумение и найти в Эрике что-нибудь необычное? Тогда я очень прошу – разыщите меня и расскажите, что вы об этом думаете. Но для этого вам придется прочитать эту книгу от начала до конца. Так что наберитесь терпения, а я начну излагать все по порядку. Итак:

Глава I

в которой жители Тридевятого царства благоденствуют, а старец Афанасий уходит в затвор

Все началось с того, что бабка Агафья принесла к себе в избу ведро с водой. Впрочем, нет, надо же сначала объяснить, почему вода в реке, из которой бабка Агафья ее зачерпнула, стала волшебной!

Тогда попробую начать по-другому.

В те давние времена в Тридевятом царстве, тридесятом государстве, правил могучий Иван-богатырь.

После его победы над паучьим царем Дурманом никто из соседних королей и не думал затевать с ним ссору. А если и думал, то об этом никто не догадывался. Все подданные царя жили себе и поживали вольготно и безмятежно. Все, кроме одного.

Высоко в горах, в монастыре, из-за которого каждый день поднималось над Тридевятым царством красно солнышко, часто видела монастырская братия своего старца Афанасия напряженно вглядывающимся вдаль. Не раз он спрашивал: “Хорошо ли запираются на ночь ворота?” И братия с готовностью отвечала, что, мол, хорошо запираются ворота и нет причин для беспокойства!

Но старец с каждым днем хмурился все сильнее и сильнее.

А однажды он поднял высоко над головой свой посох и погрозил им кому-то невидимому, затем спустился с монастырской стены по каменным ступенькам и ушел к себе в келью. С тех пор его в монастыре никто не видел.

Тогда поняли монахи, что надо ждать им большую беду. Вспомнили, о чем их спрашивал столь немногословный обычно старец, и стали старательно следить за воротами и налагать на них для верности кроме тяжелого засова – крестное знамение.

Раз в день к дверям кельи старца приходил молодой монах по имени Роман. Он молча ставил у порога кувшин с водой и небольшой кусок хлеба, стучал в дверь условным сигналом и также молча уходил.

А старца Афанасия начали встречать люди далеко от монастыря, в местах, порой удаленных друг от друга на много верст, хотя кельи своей он так ни разу и не покинул.

Видела старца и бабка Агафья, как раз тогда, когда ходила поутру за водой.

Лед был еще совсем тонкий, и Агафья, едва успев зачерпнуть воды, вместе с ведрами провалилась в полынью!

Криков ее никто не услышал. И была бы ей верная погибель, как вдруг увидела она перед собой старца-черноризца. Протянул он ей посох, ухватилась за него Агафья и кое-как выбралась на берег.

Подхватила она зачем-то ведро обеими руками (второе – ушло на дно), прижала его к себе и, что было сил, понеслась в деревню.

А старец, как увидел, что ведро она с собой прихватила, побежал за ней следом и, зная себе, посохом ее промеж лопаток охаживает и приговаривает:

– Брось, Агафья, приколдовывать, людей морочить! Брось, не то – худо будет!

Так и гнал ее всю дорогу, а близ деревни – исчез.

Весь день тот бабка Агафья на печи отлеживалась, ушибы потирала да поохивала.

А рассказу ее так никто и не поверил. Потому что знали – язык у нее длинный и без костей, как говорится: соврет – недорого возьмет! И не далее, как день тому назад, та же Агафья уверяла, что видела, как по небу летят сани, а в санях тех сидел мальчик, и несли те сани не кто-нибудь, а пятеро леших!

Ну можно ли было после этого бабке Агафье верить?!..

И ведь, действительно, начала с тех пор бабка приколдовывать.

И испила она из ведра – всего один глоток! Вода ей показалась горькой, и гнильцой отдавала. Так она ее, не глядя, – за дверь выплеснула. Попала она на дикую яблоньку, но об этом – после...

А теперь как раз самое время рассказать, почему в реке Белой вода стала волшебной!

Глава 2.

О том, как вода в реке Белой стала волшебной

Недалеко от той деревни, в которой жила бабка Агафья, на поляне, посреди леса, стоял большой-пребольшой дуб. Он возвышался над остальными деревьями все равно, как великан над толпой карликов. Ствол его с трудом мог обхватить десяток людей, а посередине ствола виднелось огромное дупло.

Бывало, приходили к тому дубу жители окрестных деревень и, прижавшись к нему всем телом, просили себе – кому чего надобно. И верили они, что дуб им поможет. А почему верили?..

А потому что дуб этот был непростой!

Иногда слышали люди, что кора у его корней тихо потрескивает, словно звенит. А из дупла струился сероватый дымок и, поднимаясь кверху, таял в ветвях мелкими кольцами.

А бабка Агафья (ох, уж эта бабка Агафья!) рассказывала всем, что с этого дуба началось сотворение мира. И завиралась она настолько, что утверждала:

– Это он – дуб – все сотворил!

А поскольку дуб слегка позванивал (или потрескивал), то деревенские жители по простоте душевной ей верили и почитали его творцом всего мира!

Но в этот вечер, когда только-только выглянули из ночного неба серебряные звезды и им приветливо зашумела осенняя листва, перед дубом стояли лишь двое. И эти двое были настоящими троллями!

Почему-то принято считать, что тролли огромного роста и непомерной силы, что живут они в горных пещерах и подземельях и хранят в них свои несметные сокровища. Это не совсем так. Те тролли, что стояли перед дубом, были очень маленькими. Ручки и ножки у них были коротенькие, зато головы – непомерно большие! Лица троллей были настолько безобразными, что их и лицами-то можно было назвать с большим трудом,

словно кто-то старательно выжал из них все живое и доброе. Они были не просто грубыми, – они были *бездушными!*

Когда-то тролли были совсем другими, но это было очень давно. С тех пор много воды утекло, многое изменилось... И сейчас они стояли, уставив неподвижный взор в дупло, и один из них – тот, что поменьше – монотонно произносил странные слова, очень похожие на заклинания:

– О, владыка Подземной и Поднебесной страны ШамбалАйи-ВальхаАллы! ШамсУнг, ТайнуджИн, Змей ГорЫн, ДжамсарАн – первый, единственный и неповторимый! БИбес и БЭд-хетт...

Договорить ему не удалось. Из дупла повалил густой и едкий дым. Затем из него вылетел столп красного пламени, раздался оглушительный удар грома, тролли упали ничком и зарылись в траву.

А из дупла, в ореоле огня, выглянула небольшая змеиная голова. На ней красовалась корона из мелких черных паучков.

– Поднимитесь! – медленно и размеренно произнесла голова и сверкнула красными угольками глаз.

Но тролли, оглушенные громом, еще сильнее зарылись в землю.

– Я приказываю вам подняться! – на этот раз голос прозвучал так громко и повелительно, что тролли высоко подпрыгнули и опустились на землю перед головой, вытянув руки вдоль туловища.

Это было очень забавно, но голова почему-то не засмеялась, а лишь злобно повела глазами из стороны в сторону и с шипением высунула длинный, раздвоенный язык.

– О, великий Красный Дракон!.. – заверещали оба тролля одновременно.

– Тихо! – прошипела голова. – Говорить буду я! А вы с-слу-у-шайте и за-по-ми-на-айте!.. Тролли замерли, и голова продолжала:

– Пока жив мой враг, я не могу влас-ствовать над этим царством! Убить его я тоже не могу!.. Он с-слиш-шком с-силен!.. Поэтому его убьете вы!..

Когда тролли услышали такой приказ, их ручки и ножки нервно задергались, и сами они задрожали, как осиновые листья.

– Как же мы справимся с ним?!

– Я помогу вам-м-м! Скажи мне ты – БИбес. В чем с-сила Ивана?!

– С-сила Ивана – в-вера народная! – отрапортовал тролль, что поменьше.

– Пра-авильно. Ис-стинная вера!.. Надо убить ее!!! И Иван – погибнет!

– Но как же мы можем убить в людях веру?!

– Я с-с-сказал, что помогу вам-м-м, – и дракон сильнее высунул голову из дупла и приблизил ее к лицу тролля Бибеса. – Где чаша?..

– У Бэд-хетта! – продолжая мелко дрожать, ответил Бибес.

– Дай чаш-ш-шу!

Второй тролль выхватил из-за пояса чашу из чистого золота, и она ярко сверкнула в лучах только что вышедшей на небо луны.

Дракон еще сильнее вытянул шею, обвился ею вокруг чаши и, широко открыв пасть, обнажил два острых зуба. Его глаза подернулись мутной пеленой, он весь замер, словно готовясь к чему-то очень важному...

Так прошла минута... За ней – другая... Со стороны можно было подумать, что тролли и змей, обвившийся вокруг чаши и склонивший в нее голову, высечены из камня – так неподвижно они стояли в разреженном ночном воздухе. Только звезды слегка мигали на небе, и луна плавно совершала по нему свой неспешный ход.

Наконец, маленькая капля яда скользнула в чашу изо рта дракона, и он, обессилев, скрылся в дупле.

– В реку... – успел только прошептать дракон, и где-то в глубине под дубом раздался грохот, от которого сотряслась земля. А Бибес, выхвативший чашу из рук оторопевшего соседа, помчался к реке, начинавшей неподалеку течение по всему Тридевятому царству.

Глава 3. **О том, как бабка Агафья помогала людям**

Теперь, я надеюсь, вы поняли, какую воду зачерпнула бабка Агафья на свою беду из полыньи? Она была отравлена волшебным ядом!

С тех самых пор Агафья и стала подколдовывать, притом довольно-таки успешно.

Поранил кто ногу – бегом к Агафье! Пошепчет Агафья заговорчики-наговорчики, помашет над больной ногой руками, и на тебе – нога здорова! Цела и невредима, словно такой и была.

Заболит у кого живот? Опять же – бегом к Агафье. Пошепчет Агафья над чугуном с водой, помашет над ним руками – туда-сюда, туда-сюда... Попьет человек той водички волшебной – и живот не болит. Совсем не болит, ну нисколечки!

– Вот какая Агафья у нас молодец! – говорили жители окрестных деревень. – И к дубу теперь ходить не надо, – у нас теперь Агафья есть! Болезнь полечит и мудрый совет даст.

И откуда только в голове у Агафьи рождались эти советы и заговорчики? Не знаю, но рождались. Сами собой. Или нет, как-то раз Агафья проговорила, что слышит она “тайный” голос, который ей эти заговорчики и советы диктует. А денег Агафья не брала. Потому что голос тот ей брать деньги за лечение строго запретил! Так что если чего Агафья от благодарных посетителей и принимала, так только молочка в бидоне, или там сыра, или колбаски. А денег – ни-ни! Иначе весь дар волшебный у нее разом пропадет.

А к дубу все-таки Агафья людей посылала. И говорила, что если б не дуб тот, то ничего бы у нее не было – никакого волшебного дара!

Вскоре у Агафьи появились ученицы: бабушка Надя, да матушка Дарья, да еще из дальнего заморского города БелЕны некая мадемуазель Линь в дорогой карете прикатила. И Агафья щедро со всеми своими знаниями делилась.

И разошлись ее ученицы по всему белому свету, а особенно – по всему Тридевятиному царству!

И все было бы хорошо, да вот только те люди, что к помощи Агафьи прибегали, становились потом какими-то странными. Все равно, как огонек в их сердце живой – погас! И похожими они становились на тех самых троллей, которые осенью перед дубом стояли и произносили странные, таинственные слова, очень похожие на заклинания.

Глава 4, **в которой, наконец, появляется главный герой**

Вы, конечно, помните, как бабка Агафья рассказывала, что видела летящие по небу сани, и как ей никто не поверил, потому что она действительно часто привирала.

Но в тот раз она говорила сущую правду!

Произошло это событие как раз на следующий день после того, как свейнландский король Густав Рыжебородый отпраздновал вместе со всем своим народом веселый праздник Хэллдаун.

В ту ночь никто из жителей Свейнландского королевства не спал. Во-первых, глупо спать, когда все вокруг веселятся! Во-вторых, это просто опасно, потому что во время праздника Хэллдаун принято всех пугать. Для этого и взрослые и дети натягивают на себя

костюмы гномов, троллей, скелетов и летучих мышей, венчают головы рогами и берут в руки корки от багОнов¹. Как следует нарезвившись, уже под утро, ошалелые свейнландцы возвращаются домой, ставят корки от багонов на подоконник и втыкают в них горящие свечки.

Все это делается для того, чтобы отпугнуть от себя нечистую² силу! Не знаю, кто придумал этот странный обычай, но, как мы увидим дальше, результат получается прямо противоположный задуманному.

Эрик был из тех мальчиков, которые не любят скакать и резвиться, а любят помечтать где-нибудь в одиночестве. К тому же он был весьма хрупкого телосложения, а нраву тихого и покладистого. Эти свойства бывают порой причиной шуток и издевок со стороны более сильных и оттого, наверное, более грубых товарищей. Поэтому Эрик и старался сбежать от них куда-нибудь и затаиться там со своей единственной книгой. И если его никто в этом укромном месте не находил, то он считал такие минуты самыми счастливыми в своей жизни!

Вот и на этот раз, попрыгав немного для видимости в костюме гнома, он сбежал из праздничного шествия хэллдаунов, которое возглавлял сам король Густав Рыжебородый. Эрик решил просто уйти домой. Ведь была уже поздняя ночь, а дома к тому же его ждал подарок от отца – единственного человека, который по-настоящему любил мальчика и очень переживал из-за его неудачно складывающейся жизни.

Мастер кукольных дел, так именовался его отец, постарался на славу. Он сделал все, что было в его силах, чтобы доставить сыну радость и удовольствие.

Кукольник Ольнер знал, как мечтает Эрик о военных походах, жестоких битвах и отважных подвигах! И в подарок сыну на странный праздник Хэллдаун он приготовил воинов-гоблинов, вырезанных из красного дерева, у которых двигались на шарнирах руки, ноги и даже голова! Таких воинов не было ни у одного мальчишки на свете!

Эрик был счастлив. Он стащил гоблинов со стола на пол и, встав на колени, расставил их в боевом порядке. “Жаль, что их только пять, – думал он. – Но зато какие! Ничего подобного я не смог бы даже и придумать!”

Воины действительно были великолепными. Ведь Ольнер слыл лучшим кукольником во всем Свейнландском королевстве!

Эрик настолько увлекся игрой, что даже не заметил, как перед ним, откуда ни возьмись, появился маленький гном, а за ним – пять крепких гоблинов в полном боевом вооружении!

Мальчик от неожиданности вытаращил глаза, гном же изящно поклонился, при этом его длинная, раздвоенная книзу борода коснулась каменного пола, и на изумрудном колпачке тихо зазвенели бубенчики.

– Ты звал нас, Эрик, и мы пришли, – произнес гном.

– Разве я звал вас? – испуганно проговорил Эрик.

– Веселиться на празднике смерти в костюме гнома! Преклонять колени перед изображениями гоблинов!!! И теперь ты еще спрашиваешь – звал ли нас?!.. Но так или иначе – мы здесь, и готовы выполнить твоё самое заветное желание.

– Какое желание?

¹ БагОн — вид тыквы, произрастающий только в Свейнландском королевстве (прим. автора).

² Нечистую — не в смысле неумытую, а в смысле злую, плохую и порочную (прим. автора).

Гном лишь усмехнулся себе в бороду, затем взмахнул волшебной тростью с золотым набалдашником, отчего его яркий атласный плащ взметнулся высоко вверх, и из-за его спины медленно вылетели к ошеломленному Эрику маленькие игрушечные сани.

Это была отлично сделанная работа – сам мастер Ольнер, взглянув на них, вынужден был бы признать, что даже он не смог бы сделать ничего подобного! А уж Ольнер разбирался в подобных вещах лучше кого-либо другого.

Но это было еще не все.

Проплыв по воздуху так, как если бы это были не сани, а легкий голубь, какие обычно складывают из бумаги, они опустились перед Эриком и начали быстро увеличиваться в размерах.

Трое гоблинов вышли вперед и ухватились за упряжь, расшитую бисером и драгоценными камнями, четвертый ловко вспрыгнул на заднее сиденье, а пятый – учтиво открыл перед Эриком маленькую дверцу, на которой красовались три золотые короны.

– В путь! – скомандовал гном, приглашая Эрика занять место в санях рядом с сидящим там гоблином.

– Но куда?! – воскликнул ничего не понимающий Эрик.

– Одерживать великие победы! Ты встанешь во главе огромного войска татайского императора! Он уже ждет тебя с нетерпением...

– Но почему я?

И тут гном произнес загадочные слова, значение которых раскрылось перед Эриком много позднее:

– Ты – ключ к успеху! Без тебя победа невозможна! Я помог тебе, а ты в свое время поможешь мне, это – девиз гномов. Прощай!

Он почти насильно впихнул Эрика в сани, за ним вошел последний из гоблинов и захлопнул за собой дверцу. Гном опустил на нее крючок, и сани вылетели в распахнувшееся окно.

Глава 5.

Гоблины преподносят Эрику не совсем приятный сюрприз

“Ты мне, я – тебе! Странно. Зачем я понадоблюсь этому гному?!” – думал Эрик, пока еще толком не сознавая, что же с ним такое произошло.

Эрику казалось, что все это ему только снится. “Не может быть, чтобы гномы и гоблины существовали на самом деле!” Поэтому он и не испугался, когда очутился высоко в облаках, в окружении гоблинов.

“Сон, он и есть – сон! – решил Эрик. – То ли дело МАРти Юхансен, вот его я бы обязательно испугался, окажись он где-нибудь поблизости. От Марти можно всего ожидать! Не хотел бы я с ним встретиться, хоть бы и во сне!”

Далеко позади остались берега Свейнландии. Сверху они казались изрезанными чьим-то гигантским ножом. Волн не было видно, море простиралось во все стороны бесконечной равниной, в которой изредка попадались небольшие скалистые острова.

Гоблины хранили молчание. Через некоторое время Эрику наскучило крутить головой, – кроме моря он ничего не видел. Даже морские птицы оставались где-то внизу и были ему не видны. Наконец он не выдержал и спросил:

– А когда мы прилетим?

Ему никто не ответил. Трое гоблинов, что тянули за собой сани, могли и не услышать его вопрос. А те, что сидели рядом, продолжали неподвижно смотреть вперед, сохраняя серьезное и мрачное выражение на четко очерченных лицах.

Эрик еще некоторое время повертелся на довольно-таки мягком и удобном для езды сидении и, не выдержав, повторил:

– Все-таки мне бы хотелось узнать: когда мы прилетим?!

На этот раз один из гоблинов медленно повернул к нему голову и тихо и внятно проговорил:

– Если ты не перестанешь ерзать на месте и задавать глупые вопросы, то я, несмотря на приказ дракона, выброшу тебя из саней в море!

После этого он так же неторопливо отвернулся, а Эрик остался сидеть, широко открыв от удивления рот.

Не успел еще Эрик опомниться, как произошли события, в которых он не принимал непосредственного участия, но которые навсегда оставили глубокий след в его сердце.

Все началось с превращения гоблинов. Их строгие лица вдруг начали смягчаться, покрылись густой шевелюрой нечесаных волос, а строгие костюмы воинов превратились в наспех скроенные и плохо сшитые звериные шкуры. Плотные сжатые губы разъехались в улыбку и обнажили редкие и не очень ровные зубы.

Впереди на горизонте показалась полоска земли – сани быстро приближались к Тридевятому царству-тридесятому государству.

Похоже, что у грубого гоблина вместе с обликом изменился и характер. Он повернулся к Эрику, со всего размаху хлопнул его рукой по плечу и, тряхнув косматой головой, ставшей почему-то совершенно рыжей, заорал ему в ухо:

– О-го-го! – и указал всей пятерней в сторону берега.

Эрик не понял, что именно “О-го-го”, но спросить побоялся. А гоблин, впрочем, его теперь трудно было назвать гоблином, желая на этот раз разрешить недоумение мальчика, громко закричал:

– Тридевятое царство!

Шум ветра слился с шумом прибоя, так как сани все больше снижались, и гоблин, перекрывая этот шум, продолжал кричать:

– Надо чтить традиции! В Свейнландии нас знают как гоблинов, а здесь мы – лешакИ! – и он громко загоготал.

Когда под ними проплывали деревеньки, гоблины-лешаки демонстративно кланялись выбегавшим из домов людям. А пролетая над гигантским дубом, который стоял посреди дремучего леса, они замедлили свой полет, вытянулись в струнку и лихо отдали честь. В ответ Эрик явственно различил какой-то глухой рокот, и над дубом появились две струйки сероватого дыма.

Тогда-то их и заприметила бабка Агафья, которой, правда, никто не поверил.

Но самое загадочное произошло позднее, когда солнце скрылось за чащей деревьев и в воздухе начали сгущаться сумерки.

Сначала чуть заметно, а затем все яснее внизу стали проступать маленькие огоньки. Эрик было решил, что это – светлячки. Но потом сообразил, что с такой высоты светлячков просто не может быть видно!

От каждого из огоньков тянулся вверх и терялся в небесах тоненький луч света. Лучи эти были самых разных цветов и оттенков и такие красивые, каких Эрик еще ни разу в жизни не видел! По ним, как по светящимся ниточкам, все время плавно скользили чистые капельки росы. Они тоже терялись где-то высоко в небесах, а им на смену скользили все новые и новые...

Эрик засмотрелся на эту дивную картину и совсем не заметил того, что произошло с гоблинами-лешаками. Он обратил на них внимание только тогда, когда почувствовал, что сани как-то заметно потяжелели и выделяют странные пируэты в воздухе.

Эрик чуть скосил глаза и обмер от ужаса.

Рядом с ним, свесив головы вниз, сидели два дымчатых дракона с зубчатыми выступами вдоль спины и хвоста. Они тяжело пыхтели, и из их расширенных ноздрей с каждым выдохом вылетали тысячи искр, которые затем гасли и пеплом оседали на землю.

Три дракона, тащившие за собой сани, с рычанием метались из стороны в сторону, стараясь перекрыть своими уродливыми головами лучи света и загасить их пеплом.

Временами им это удавалось, огоньки внизу гасли. Но потом они загорались вновь, и начинали сиять ярче прежнего.

Вдруг драконы прекратили кидаться от одного огонька к другому и быстрее ветра понеслись туда, где перепуганный Эрик различил целый сонм маленьких огоньков.

“Если бы огоньки были светлячками, то здесь их был бы целый муравейник”, – мелькнула в его голове несвязная мысль, и в следующее мгновение он увидел, как драконы вступили в настоящее сражение.

Эрик разглядел внизу замысловатые строения с круглыми башенками. Вокруг них было некое подобие стены.

Темная зелень леса уступала здесь место еще более темным силуэтам невысоких гор.

Лучи света переплетались в причудливые фигуры и дружным потоком устремлялись вверх.

Приблизившись к этому месту, драконы как-то обмякли, немного уменьшились в размерах и превратились в симпатичных и в общем-то вполне безобидных монстриков. Их толстая, жесткая кожа покрылась плюшевым ворсом, и в ней потонули острые треугольные шипы.

Драконы не переставая глядели на пучок света. Они зависли в воздухе и что-то ласково урчали на непонятном для Эрика наречии, по-видимому, очень древнего происхождения. А их мягкие плюшевые хвосты виляли из стороны в сторону – то ли в знак приветствия, то ли чего-то выжидая.

И вдруг картина разом изменилась. Собрав все силы, драконы приняли свой изначальный вид и единым дыханием послали в сноп света такой могучий поток пепла и дыма, что огоньки внизу заметно потускнели, а свет, исходящий от них, прервался, не находя выхода из плотного черного облака.

Один из драконов оскалил хищные зубы и издал оглушительный победный рев. Но тут, откуда-то сбоку, словно ему в ответ, ударил целый фонтан ослепительно-яркого света с такой сокрушительной силой, что ревуший дракон потерял равновесие, перевернулся лапами кверху, а его чуть меньше обожженные товарищи кривыми зигзагами потянули сани куда-то вбок.

Свет ослепил им глаза, и они долго летели, забирая то влево, то вправо, лишь бы подальше уйти от этого страшного для них места.

Тот же дракон, что пострадал больше всех, держался позади саней и продолжал вопить, но уже гораздо тише и уж совсем не радостно.

Эрик весь сжался в комочек и изо всех сил вдавился в сиденье, боясь напомнить обозленным драконам о своем присутствии. Он слышал за спиной тяжелое сопение и горестные причитания пятого дракона. Временами он сбивался с древнего наречия на хорошо знакомую мальчику свейнландскую речь. И тогда до Эрика долетали неясные обрывки его фраз.

Эрик услышал, что дракон все время повторяет одно и то же имя: “Афонька!” – и при этом скрежестит зубами. А потом еще прибавлял, что он вернется и покажет ему! Кто такой этот Афонька и что собирался показать ему дракон, Эрик так и не узнал. Окончательно устав, он незаметно уснул и сам удивлялся впоследствии, как это можно было уснуть после таких событий, да еще в окружении страшных драконов!

Глава 6, в которой Эрик принимает утреннюю ванну

Проснулся Эрик ранним утром. Он приоткрыл глаза и сначала не мог понять, где он, и что это за странные существа летят перед ним, увлекая сани все дальше на восток.

“Если я проснулся, значит, это был не сон, – подумал Эрик. – Все происходило со мной на самом деле! И гном, и гоблины, и все эти ужасные приключения! Господи, как же мне выйти из этого ужасного положения!”

Он прошептал эти слова очень тихо, но в тот же миг с драконами, тянущими сани, начало происходить что-то непонятное. Они съезжались, насколько, конечно, могут съезжиться драконы, и затормозили, словно перед ними возникло непреодолимое препятствие. А тот, что пыхтел сзади, со всего размаху врезался носом в сани, и Эрик – не то что вышел, он просто вылетел из саней от сокрушительного удара и тут же потонул в густом и влажном облаке, оказавшемся рядом с ним.

Несколько мгновений он ничего не мог разобрать, кроме белого тумана, застилающего глаза и проникающего сыростью под одежду. Но вот он пролетел облако насквозь и с ужасом увидел, что с огромной скоростью приближается к небольшому озеру.

Эрик обратил внимание, что берег вдоль озера – песчаный, и на нем, прямо около воды, сидит и дремлет старичок-рыбак. Рядом со старичком что-то булькало в котелке. “Наверное, уха, – подумал Эрик. – Что же еще может варить рыбак?” Затем инстинктивно закрыл лицо руками и пребольно ударился головой о водную поверхность.

Видимо, Эрик поднял тысячи брызг, которые долетели и до рыбака, потому что он очнулся от сна и поспешно вскочил со своего места.

И тут мне придется раскрыть вам секрет Эрика, о котором он никогда бы никому не сказал, ни за что на свете – Эрик не умел плавать! Поэтому, оказавшись на глубине, он попытался подергать руками и ногами, а потом затих и стал ожидать смерти...

Но тут его ноги зацепились не то за водоросли, не то за толстые веревки, и он почувствовал, что какая-то неодолимая сила тянет его обратно к поверхности воды. Не прошло и минуты, как он уже лежал на берегу, путаясь в рыбацких сетях.

– Что за люди! – ворчал старичок-рыбак, стараясь разобрать сети и выпустить Эрика на волю. – Прыгать с откоса, на самую глубину, не умея толком плавать! Да еще именно там, где я раскинул сети. Всю рыбу мне распугал!

– Простите, я нечаянно!

– Нечаянно, нечаянно... За нечаянно знаешь что бывает?!..

– Что? – спросил Эрик, трясаясь от холода. От перенапряжения и купания в столь ранний час у него во рту зуб на зуб не попадал.

Старичок вдруг успокоился и подтолкнул Эрика к костру.

– Иди-ка к огню поближе. Обсохни, а я разберу сети. Потом есть будем.

Только сейчас Эрик понял, что не ел уже целые сутки! Он подсел поближе к костру и начал принюхиваться к сладкому запаху рыбы, который доносился до него из-под прыгающей крышки.

Рыбак с трудом распутал сети и разложил их на берегу. Затем достал из небольшого холщового мешочка две деревянные ложки и направился к костру.

Поскольку Эрик вырос на берегу моря, рыба для него не была диковинкой. Но сейчас он чувствовал, что никогда в жизни не ел такой вкусной рыбьей похлебки! Наконец, когда котелок оказался совершенно пустым, Эрик смущенно что-то пробормотал в знак благодарности и спустился к воде, чтобы помыть ложку.

Он уже совсем высох и чувствовал себя вполне сносно, даже еще лучше. Все его приключения отошли в прошлое, но старичок явно хотел услышать от него объяснение – как он попал в это место, удаленное от Свейнландии на много верст?! И Эрику ничего не оставалось, как глубоко вздохнуть и поведать старичку свою необыкновенную историю.

Глава 7.

Старичок раскрывает Эрику тайну ночных огоньков

Глаза у старичка были голубые-голубые и добрые-предобрые. Но в продолжение рассказа они становились все строже и строже! Старичок все чаще неодобрительно покачивал головой, отчего его седая борода тоже сердито покачивалась из стороны в сторону.

Наконец, когда Эрик дошел в своем повествовании до того места, где драконы старались погасить огоньки, он не выдержал и произнес:

– Нельзя водить дружбу с драконами! И не то что водиться, просто смотреть на них опасно для жизни!

– Да я и не хотел, – попробовал возразить Эрик. – Я думал, что это сон! К тому же они не сразу стали драконами...

Но старичок только еще сильнее насупил брови и махнул на Эрика рукой, чтобы он перестал оправдываться.

– Вот что, – сказал он. – Оставаться тебе здесь долго нельзя, потому что тебя ждет отец. Конечно, пешком идти – это тебе не на драконах лететь! Но если поторопиться, то за неделю-другую ты сможешь добраться до дома.

Старичок покопался у себя в мешке и протянул Эрику что-то тщательно завернутое в тряпицу.

– Это тебе в дорогу – вяленая рыба и немного хлеба, если проголодаешься. А так – заходи по пути в деревни. Там тебя и накормят и переночевать пустят, потому что народ у нас не злой и очень даже гостеприимный.

Эрик с благодарностью посмотрел в лицо старичка. И вдруг ему ужасно захотелось спросить его, что это за огоньки он видел вчера сверху?

Почему Эрик решил, что старичок может открыть ему эту тайну, он и сам не знал. Может быть, потому, что прозрачные и ясные, как Божий день, глаза старичка излучали свет такой же, как тот, что исходил от чудесных огоньков? Но так или иначе, Эрик его об этом спросил. И старичок ответил ему об этом очень просто и коротко:

– Молитва.

– Что – молитва? – не понял Эрик.

– Огоньки, которые ты видел ночью – это молитвы в сердцах людей. А капли росы – это покаянные слезы о том, что было за день сделано дурного. И не только сделано, но и сказано, и что на ум пришло – а вовремя не вышло!

Больше старичок ничего не прибавил, а махнул Эрику на прощание рукой и пошел к своим сетям. А Эрик отправился в путь – домой.

Глава 8.

Старые приятели

Солнце поднималось все выше и пригревало все сильнее. День был ясный, и на душе у Эрика тоже было ясно и светло.

Он шел по неширокой проселочной дороге и напевал походную свейнландскую песенку. Как вдруг в вышине раздался резкий свист, и перед Эриком опустились на обочину его старые знакомые.

Сани громко ударились о землю, подняв облако пыли, а драконы захлопали крыльями, словно в знак приветствия, всем своим видом показывая, что они очень рады встрече со своим старым другом Эриком и готовы продолжать начатое путешествие на восток, так неожиданно и досадно для них прерванное.

Но Эрик не выказывал ответной радости. Он не очень-то испугался драконов, привыкнув за время путешествия к их устрашающей внешности, и хотел просто пройти мимо.

Это ему удалось. Драконы беспрепятственно пропустили его вперед. Но затем один из них превратился в лохматого лешего и небрежно бросил в спину Эрику всего одну фразу:

– Он просто струсил!

Если бы они стали угрожать ему даже смертной казнью, Эрик бы им ни за что не уступил! Он чувствовал себя на редкость сильным и смелым, переполненным каким-то небывалым ликованием и решимостью!

Но эта фраза попала в его самое больное место. Что делать – драконы знают нас гораздо лучше, чем мы сами! Запомни эту фразу, мой юный читатель, и если ты встретишься с кем-нибудь, кто захочет увлечь тебя на неправое дело или подбить на не очень хороший поступок, вспомни маленького Эрика. Как сильно он корил себя впоследствии за то, что поддался на эту хитрую и коварную уловку врага!

Но в тот момент в его душе все всколыхнулось от страшной обиды, а сила и решимость сменились в нем огнем гордости. Он повернулся к драконам и, твердо глядя перед собой, пошел к ждущим его саням.

Лихо перепрыгнув через тонкую стенку, точь-в-точь, как это сделал днем раньше один из гоблинов, он занял свое место.

Бедный Эрик! Что ждет тебя впереди? Маленького мальчика, одинокого среди не знающих жалости людей и еще более жестоких драконов!

Но мы пока оставим его на этой дороге и перенесемся мысленно во дворец, где богатырь Иван узнал о том, что в его земле появился Красный Дракон.

Глава 9.

В ней Иван узнает историю бабки Аги и в первый раз встречается с врагом

На самом деле Иван-богатырь узнал о том, что в его царстве-государстве появился страшный дракон, гораздо позднее тех событий, которые были мной описаны.

Случилось это тогда, когда с полей уже сошел зимний снег. И если на юге Тридевятого царства его вовсе не было и зима там была теплая и совсем на зиму непохожая, то на севере, где Тридевятое царство граничит со Свейнландским королевством, снег был, и было его очень много!

Весть о драконе принес Ивану карлик, одетый гонцом и прискакавший во дворец на маленькой, взмыленной от долгой езды лошадке.

Карлик вручил Ивану свиток, тот сорвал с него восковую печать и, не мудрствуя лукаво, выбежал за главные дворцовые ворота. Свистнул он посвистом молодецким, и на его свист прискакал богатырский конь – БУрушка-косматушка. Только он один и мог возить на себе Ивана – остальные кони под богатырем на колени падали и не то что бежать – подняться с ним вместе на ноги не могли!

А для Бурушки-косматушки скакать с Иваном было одно удовольствие. Без слов и плети понимал он своего хозяина – по самому малому его движению! И был он для богатыря не просто конь, а добрый и верный друг.

Вскочил Иван на него с легкостью, и... только их и видели! Бурушка, даром что богатырский конь был, через ручьи и овраги – одним махом перепрыгивает, реки быстрые и глубокие переплывает – все равно, что посуху бежит, а уж по ровной земле скачет так быстро, что за ним и уследить трудно!

Долго ли ехали, коротко ли, прискакали они к Белой реке. Смотрит Иван и не узнает: что с деревнями окрестными случилось? Ни единой души не видно!

– Неужто всех дракон побил? – прошептал Иван.

Все избы обошел, ни в одной живого человека не встретил! Лишь в крайней, покосившейся избенке нашел он старую-престарую бабку. Лежит она на печи, нос крючком и длинный-предлинный, в потолок врос, а сама – худая, в чем только душа держится?!

Увидела она Ивана, охнула и запричитала:

– Ой, ты, горюшко мое горькое! Наконец-то хоть один добрый молодец заглянул ко мне! Уж неделю лежу я здесь без движения, и никто не даст мне испить водицы колодезной! Никто хлебушка краюшкой не накормит! Ты скажи мне, богатырь, как звать тебя, величать?!

– Иваном меня кличут, – Иван ей отвечает. – А что за беда у вас здесь приключилась? Почему один ветер по дворам и избам гуляет?! Куда весь народ пропал, словно сгинул?!

Пуще прежнего старуха заохала, нос из потолка с трудом выдернула, к Ивану повернулась и вот что ему поведала:

– Была я, мил человек, еще недавно здоровьем крепка и умом велика, чем могла людям помогала, в почете у них была и уважении! Да вот, как лед на реке сошел, так непонятно, что с нею, рекой, случилось?! Вроде – вода как вода... Раньше-то, зимой, все за водой к роднику ходили: он у нас и в лютые морозы не замерзал! А как потеплело, так все с ведрами к реке и потянулись, потому что ближе. Девки да бабы наши деревенские в ту воду глянули – и себя не узнали! Такие писанные красавицы на них из реки глянули, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Врать не буду, я в ту пору вместе с ними не ходила, потому что воду и всякое другое потребное для жизни мне домой соседи приносили. А крики я их слыхала, слова все разобрала, а потом... Ну, словно их кто, Ваня, калачом в реку заманивал! Попрыгали они в воду, все – как есть! А как попрыгали, так, поверишь ли – в русалок превратились! С рыбьими хвостами, с золотыми волосами – все, как положено. Я и сама бы ни за что в это не поверила, кабы своими глазами их не видела!..

– Да как же ты, бабушка, своими глазами видела, когда уж столько времени на печи лежишь?!

– Эх, Ваня, Ваня! В том-то и дело, что лежу я здесь – без году неделя! Как попрыгали бабки и девки в воду, предстал предо мною старичок. Погрозил он мне своим посохом,

сказал-то только и всего: “Я тебя, Агафья, предупреждал!” – и оказалась я на печи. Скрюченная, старая, с длинным носом – такая, что и самой смотреть противно! А все, Ванюша, потому, что я людям помогала!.. Так мало того, что меня всю скрючило, этот старичок, не хочу вслух произносить его имени – мое чудное имя сократил наполовину! Была я Агафья, а стала – бабка Ага!

– Как?!

– Так! Бабка я – Ага! Потому что мне, видите ли, нельзя теперь носить имя святой Агафьи. И вернет мне этот старик прежнее имя только тогда, когда я исправлюсь и добрым молодцам, вроде тебя, помогать буду! А я всегда всем помогала!..

– Ладно, – перебил ее Иван. – С бабами да девками – понятно. Ну а мужья их и дети куда подевались?

– Мужья их на крики сбежались, спасать в реку бросились! А как воду ту на язык попробовали – вылезать из нее не захотели. Вода им, Ваня, показалась на вкус – сладкой брагою! Так они теперь в реке вместе с женами и живут. Жены – в реке плещутся, себя в отражении разглядывают, любят, а как путника завидят, сразу песни петь сладкозвучные начинают и к себе в реку заманивают... А мужья их брагу речную пьют да похваляют...

– А дети?

– А дети к реке не пошли, по лесам разбежались. Там и живут, если, конечно, еще от холода да от голода не умерли. А виноват во всем, Ваня, – двенадцатиглавый дракон! Это он нашу реку заколдовал! Но ты против него не иди! Все равно не справишься...

– Это я-то не справлюсь?! – вскипел Иван. – Где искать его?! Говори!

– А чего искать? Вот он, – кивнула бабка в окно, – в дупле Большого Дуба, того, что своей листвою облака задевает...

Выбежал Иван из избы, дверью хлопнул так, что с петель слетела. Не дал он бабке Аге ни воды испить колодезной, ни краюхи хлеба – до того ли было?! А из-за печи высунулась уродливая голова тролля Бибеса. Вот, оказывается, кто бабке Агафье советы давал!

Вскочил Иван на коня и опомниться не успел, как оказался на поляне у Большого Дуба. Словно вихрь домчал его Бурушка-косматушка и остановился перед дубом как вкопанный.

Закричал Иван громким голосом, так что деревья вокруг к земле пригнулись:

– Выходи, дракон, на смертный бой! Хватит тебе людей морочить да в реке топить!..

Тихо вокруг. Замерло все. Нет Ивану ни ответа, ни привета. Рассердился богатырь. Слез с коня да по дубу слегка кулаком приударил, так что дуб тяжело вздохнул и на сторону покосился. А из-под корней послышался вдруг тоненький и жалобный голосок:

– Что ты, Ваня, здесь шумишь и лес портишь? Чего хочешь? Для чего издалека к нам сюда пожаловал?

– Биться я приехал с тобой и предать тебя лютой смерти!

– Нет здесь, Ваня, никакого дракона! Обознался ты! Обманула тебя Ага – старая карга! Здесь только я живу – бедный маленький древесный червячок. Точу помаленьку дерево, да ему от этого не хуже – видишь, какое громадное вымахало?

– Не обманешь меня, змей поганый! Выходи на бой! А то я твое логово разворочу и тебя – голыми руками задушу!

– Ой, не пугай меня, Иван – великий богатырь! Если велишь – я к тебе вылезу! Только боюсь шибко – вон ты какой огромный и сильный, а я...

Не дал договорить ему Иван. Ухватил ручищами своими дуб и... из дупла к нему выскочил на ветку маленький, тщедушный червячок с красными горящими глазками и измазанной чем-то черным головой. Выскочил, пискнул и снова в дупло юркнул.

– Не губи, – кричит, – меня, Иван! Я уж в самую глубину норки забился, сижу и дрожу, – так мне боязно!

Растерялся Иван. Отпустил дерево, и оно, крикнув тяжело, ушло с корнями обратно в землю.

“То ли бабка меня обманула, то ли... Уж не знаю, чего и подумать! Но не воевать же мне в конце концов с этим древесным червем?! Придется назад возвращаться и заново все у старой Аги выспрашивать!”

Подумал так Иван, хлопнул напоследок легонько по старому дубу, вскочил в седло и поскакал обратно в деревню. А вслед ему из дупла злобно глянули красные, как угольки, глаза...

Глава 10, в которой Иван-богатырь проходит через главное испытание

Остановился Бурушка перед дикой яблонькой, что напротив избы бабки Агафьи стояла.

Привязал Иван коня к деревцу, сорвал с него маленькое дикое яблочко – зеленое еще совсем, зачем сорвал – непонятно. Сунул его себе в рот...

Ох, не простые на той яблоне были яблочки! Был бы Иван поосторожней да повнимательней, разглядел бы тогда, что на других деревьях еще только свежая листва появляется! Да и откуда возьмутся яблоки ранней весной?

А яблонька эта была та самая, на которую бабка Агафья выплеснула когда-то из ведра оставшуюся волшебную воду!

Как только сок от яблока брызнул в рот Ивану – упал он, как подкошенный, прямо под копыта своего коня Бурушки. Жалобно заржал конь, чуя беду страшную, но было уже поздно...

Лежит Иван, не шелохнется. День лежит, два лежит... а на третий день появился перед ним старец-черноризец с посохом в руке. Наклонился над богатырем и тихо так проговорил:

– Встань, Иван. Не время теперь лежать да нежиться! Все, что до сих пор было – лишь игра детская по сравнению с тем, что предстоит тебе выдержать. Нынче – время главной битвы! Не на жизнь – а на смерть!

Взял его старец за руку, очнулся Иван, встал на ноги и пошел за ним, не торопясь, потихонечку. Следом Бурушка потянулся – яблоньку дикую уздечкой надвое переломил...

И чувствует Иван, что идут они уже не по земле, а по воздуху, и восходят все выше и выше – туда, где дивным светом сияет ярче солнца, ярче месяца ясного – дивная лестница от земли до неба! Лестница та – вся из хрусталя горного сложена! Перильца вдоль нее – резные, камнями самоцветными выложены, всеми цветами радуги переливаются.

Зажмурился невольно Иван от света того и осторожно ступил вслед за старцем Афанасием на первую ступеньку.

– Нынче, Иванушка, время твоего испытания, – произнес старец. – Крепись и мужайся. Что бы ни произошло, помни – я с тобой!

И только произнес старец эти слова, потемнел вокруг них воздух, дотоле – чистый и прозрачный. Словно тучи грозовые, откуда ни возмись, на них нашли. И из туч этих выпрыгнули уродливые карлики в высоких колпаках, с огромными книгами под мышкой. Глаза карликов злобой исполнены, на Ивана зыркают, точно молнии мечут! Но к лестнице близко подойти боятся. А когда по бокам Ивана появились два сияющих белых воина с огненными мечами, так и вовсе в стороны брызнули и зубами от бессилья защелкали.

– Наш он! Наш! – кричат, словно лают. – Вот – у нас все-все про него в книгах записано!

И чувствует Иван, что силы у него против тех карликов – нету никакой! Куда подевалась его сила богатырская?!.. Хоть и ростом не велики, а каждый из них одним пальцем его раздавить может!

Сгорбился весь Иван, еле-еле ноги со ступеньки на ступеньку за воинами и старцем переставляет...

Тут карлики книги свои из-под мышки выхватили – те, в которых вся жизнь Ивана черным по белому была расписана: где кого обидел, кому позавидовал, неправду сказал, злом на зло ответил, или не помог, а помочь должен был!..

Раскрыли они свои книги тяжелые... а там – пусто! Ничего нет, ни одной записи! Даже кляксы – и той нет! Рты поразевали, в книги смотрят, удивляются и понять ничего не могут! Столько лет за Иваном подглядывали-подслушивали, мысли гадкие на ухо нашептывали, столько сил потратили, сотни страниц мелким почерком исписали...

– Афонька! – истошным голосом завопил один из них. – Это он нам все испортил! На исповеди грехи Ивану разрешил, и из книг наших все постирал-повыкинул!

Бросились карлики на старца и на воинов в бессильной злобе, бородами длинными трясут, а толку никакого!

Высоко над головой Ивана раскрылось небо, а за ним – другое небо – светлое, полное радости, тепла и покоя!.. Вот уж, кажется, до него и рукой подать!.. Но оно вдруг сокрылось, и увидел Иван, как внизу, на земле, которую он оставил, будто полыхнуло пламенем, взлетел к нему огненный столп и превратился в огромного дракона! На всех его двенадцати головах – черные короны. И все двенадцать голов мертвенным взглядом красных глаз на него уставились и всю душу Ивану насквозь прожигают.

– Гор-р-р-до-с-с-сть! – прошипел дракон, и запрыгали вокруг него карлики, высоко подкидывая кривые ножонки, заверещали на разные лады:

*Иван! Иван! Могучий богатырь!
Нет его сильнее! Нет его славнее!
Нет его смелее! Нет его...*

Дальше они ничего спеть про Ивана не успели. Старец Афанасий достал из-за пазухи маленький кувшинчик, вылил из него в ладонь что-то сияющее... и бросил в ощеренные пасти дракона.

Зашипел дракон, повалил от него черный дым вперемежку с паром, и исчез он с глаз долой, а вместе с ним – и карлики.

Исчезли и воины, что по бокам Ивана охраняли. Остался он стоять один на один со старцем Афанасием.

– Это все, что я могу для тебя сделать, – тихо произнес старец. – Дракону ты не достался, но и в Небесное Царство дорога для тебя пока закрыта. Кайся теперь и помни: гордость – корень всякого зла, но надежды не теряй...

Сказал и исчез. А Иван остался стоять между небом и землей, посреди хрустальной лестницы, почти что незаметной в прозрачном воздухе.

Глава 11, в которой мы снова встречаемся с Эриком и его попутчиками

Как это ни горько, но надо признать, что даже великие богатыри, совершающие удивительные подвиги, не всегда способны побороть нашего самого страшного врага – гордость! Вот и Иван, увенчавший себя множеством славных и добрых дел, не был чужд тщеславия и в глубине сердца, невидимо для всех, гордился своими делами...

Но мы совсем забыли про маленького Эрика! А он уже пролетел к этому времени через все Тридевятое царство и через бескрайние хакимские степи, сплошь поросшие травой ковылём и оттого казавшиеся сверху совершенно серыми.

Иногда, прямо посреди степи, как из-под земли, вырастали большие города с высокими белыми стенами и башнями – тонкими, как стрелы.

Здесь драконы снова изменили свой внешний вид. Только Эрик начал привыкать к их уродливому обличению, как они, долетев до первого хакимского селения, резко откинулись назад, вытянули шеи и... превратились в исполинов, одетых в широкие шаровары и туфли с загнутыми вверх носами.

Если бы у Эрика были книжки с восточными сказками, то он смог бы по картинкам безошибочно узнать в этих исполинах могучих волшебников-джиннов. Но у Эрика, как вы знаете, была только одна книга, и в ней про джиннов ничего не было написано. Поэтому он слегка вздохнул, а потом пожал плечами и стал смотреть куда-то в сторону. Постоянные превращения бывших гоблинов, а ныне – новоиспеченных джиннов за время путешествия ему порядком надоели. Он даже не обратил внимания на фразу, небрежно брошенную одним из исполинов, у которого и сейчас волосы остались ярко-рыжими (когда он был драконом, то волос у него на голове не было, зато шкура отливала красной медью):

– Здесь нас знают такими!

Но Эрик, как я уже сказал, не обратил на его замечание никакого внимания.

Зато люди внизу высыпали на улицы и стали что-то громко кричать на своем хакимском языке, указывая пальцами на небо. Эрик разобрал лишь одно слово: “ИфрИты!”³, но значения его так и не понял...

На следующий день, ближе к полудню, джинны начали активно набирать высоту. У Эрика даже немного закружилась голова, оттого что подъем был очень быстрым.

Впереди показались огромные татайские горы, наполовину засыпанные снегом.

Эрик почувствовал, что здесь гораздо холоднее, чем в хакимских степях, почти так же холодно, как и в Свейнландии. Он плотно закутался в одежду и только сейчас понял, как дороги ему были родные скалистые берега, над которыми не смолкает гомон чаек и в которые почти всегда бьются высокие волны...

Но вот и татайские горы остались позади.

Внизу Эрик увидел огромный город ШинхАн – столицу Татайского царства! Джинны начали спускаться, описывая над городом широкие круги, и опустились на опушке леса, разделявшего Шинхан и горные хребты.

Рыжеволосый джинн, присев на корточки перед санями, осторожно открыл двумя пальцами дверцу и выпустил Эрика на свободу. Это было очень кстати, потому что у мальчика от долгого сидения окончательно затекли ноги.

– Здесь наши дороги расходятся в разные стороны, – произнес джинн. – Но мы с тобой еще обязательно встретимся!

Он ослабилась, показав в улыбке огромные белые зубы, а затем начал быстро уменьшаться в размерах. То же сделали и остальные джинны. Превратившись в маленьких горбатых карликов, они кивнули на прощание Эрику и юркнули в пещеру...

³ ИфрИты — духи, джинны (перев. с хакимского).

– Ну и что же мне теперь делать? – спросил сам себя ошеломленный Эрик. – Гном, кажется, говорил что-то про татайского императора и его войско... Наверное, мне надо идти к нему!..

И Эрик зашагал по тропинке в ту сторону, где, по его предположению, должен был находиться Шинхан.

Глава 12, в которой Эрик встречается с татайским императором и отправляется в долгожданный поход

Прежде чем мы войдем вслед за Эриком в столицу Татайского государства, я должен извиниться перед моими читателями за то, что забыл по своей извечной рассеянности упомянуть об одной очень важной детали.

Перед тем, как Эрик вошел в сани, гном протянул ему в своей морщинистой ладошке три большие желтые монеты, на которых красовалось изображение золотой извивающейся змеи!

Гном ничего не сказал при этом, а Эрик машинально сунул монеты к себе в карман и впоследствии решил, что эти деньги были даны ему на покупку оружия и доспехов для участия в великих сражениях!

Монеты все это время так и пролежали у Эрика в кармане. Они несколько не испортились от купания в озере и даже не потускнели, потому что были сделаны из чистейшего драгоценного золота!

Вот и сейчас, когда Эрик входил в главные городские ворота, они слегка позванивали у него в кармане, тем самым как бы напоминая ему о цели путешествия.

В столице Татайского царства, в стране вечно сияющего солнца (так, по крайней мере, воспевали его придворные поэты), оживленно шла торговля.

Торговцы расхваливали каждый на все лады свои товары, а покупатели старались понизить цену. Все кричали, и что самое ужасное, – все кричали одновременно!

У Эрика даже заложило уши от шума. Ему казалось, что никто никого не слушает и каждый просто кричит свое. Он уже порядком устал от толкотни и духоты, когда впереди зазвучали трубы и флейты и народ, побросав свои дела, устремился прямо на эти звуки.

Эрик невольно потащился в эту же сторону.

На главной площади города он увидел слуг императора, которых сначала принял за знатных вельмож – такие были на них дорогие и красивые одежды. Слуги устлали площадь коврами, расшитыми золотом.

Воины, с длинными кривыми мечами, с трудом сдерживали натиск толпы.

Но вот показалась и императорская свита.

Впереди шли музыканты. За ними – отряд воинов, судя по их гордым и важным лицам – личная гвардия императора. За воинами плыли роскошные носилки с высоким шелковым балдахином. Покоились носилки на плечах носильщиков-эвиров. Эрик бы очень удивился, если бы узнал, что тяжелый труд носильщиков выполняли высокопоставленные вельможи! Нести носилки с императором – это великая честь, которой удостаивались лишь его близкие советники! И, наконец, на самих носилках восседал сам великий татайский император Дзи Дзянь.

Его круглое и полное лицо, которое придворные поэты сравнивали с полной луной, расплывалось в благосклонной улыбке. Плавными движениями рук он подбрасывал высоко вверх горсти мелких серебряных монет, и они сверкающей россыпью падали в толпы народа, отчего те приходили в восторг, переходящий в давку, а порой и в драку...

Носилки остановились на небольшом возвышении. Здесь великий император должен был творить справедливый и беспристрастный суд над своими подданными.

Музыка смолкла, и стража выпихнула на середину площади, перед светлые очи императора, оборванного мальчишку. Он был очень напуган и затравленно оглядывался по сторонам.

– В чем его провинность? – ласково спросил император.

Вперед вышел невысокий человек, по виду из императорской свиты. Он развернул тонкий свиток и громко прочитал:

– Суд императора – суд величайший, суд наимилостивейший и суд беспристрастный!

Тут вновь закричали флейты и трубы, а когда смолкли, человек продолжал:

– Подданный Сен По. Возраст – 8 лет. Обвиняется в краже хлеба у торговца Сю ЮЭня...

– Ты признаешь себя виновным? – ласково спросил император.

Мальчик едва заметно кивнул

– Можешь ли ты заплатить в царскую казну штраф?.. Всего три золотые монеты?..

Мальчик испуганно замотал головой. У него никогда в жизни не было никаких денег, не то что трех золотых монет! Видно, он украл у торговца кусок пресной лепешки от большой нужды, движимый жестоким голодом. И сейчас он беспомощно стоял посреди площади, окруженный толпами народа, пред лицом великого императора, совсем один. Ему было очень страшно.

А император, откинувшись назад, помахал рукой и произнес:

– Поскольку ты уличен в краже, и сам это подтверждаешь... и не можешь заплатить в царскую казну штраф, то мы, нашим великим и справедливым императорским судом, осуждаем тебя на милостивое и справедливое наказание...

Он чуть склонил голову и что-то прошептал на ухо вельможе, тому, который только что оглашал по свитку провинность мальчика.

Тот выпрямился и громко произнес так, чтобы слышали все:

– Великим императорским судом поданный Сен По приговаривается за кражу к следующей мере наказания... – все затаили дыхание, а вельможа закончил, – к усекновению мечом обеих рук!

По толпе прошел легкий гул. А маленький Сен По сильно-сильно заморгал глазами, не понимая до конца того, что должно было сейчас произойти.

Вновь заревели флейты и трубы, прославляя великого и могучего императора Дзи Дзяня. К мальчику подошел высокий воин с обнаженным мечом и взял его за обе руки. Приговор всемилостивейшего и справедливейшего императора должен был быть приведен в исполнение немедленно.

Император прикрыл глаза рукой, чтобы не видеть столь печального зрелища.

В это время Эрик изо всех сил пробирался вперед сквозь толпу. Я не знаю, как он узнал, что говорил император, ведь Эрик совершенно не знал татайского языка! Но он всё понял, и сейчас, как мог, расталкивал локтями людей, жаждавших насладиться столь редким зрелищем казни, и одновременно кричал:

– Стойте! Прекратите! Я дам вместо него три золотые монеты!

Когда Эрик выскочил на середину площади, воины из окружения императора схватили его за плечи и повергли ниц перед императором Дзи Дзянем.

Император милостиво разрешил жестом Эрику подняться и приблизиться к нему.

Солнце светило ярко, и император никак не мог разглядеть, что за монеты находятся в руках у Эрика. Поэтому он нетерпеливо приказал вельможе-глашатаю взять их у мальчика и передать ему.

Когда император увидел, что изображено на монетах, то сильно побледнел, быстро взглянул на Эрика и что-то прошептал глашатаю.

Тотчас воины, стоявшие рядом с Эриком, подхватили его под руки и, подняв над землей, осторожно посадили в императорские носилки.

Толпа ахнула. Эрику показалось, что он видит рядом с Сен По того старичка-рыбака, что вытащил его на берег, но в следующее мгновение они потонули в толпе, а император потянул за тоненький шнурок, задвинул от любопытных глаз занавеску и дал приказ носильщикам-эвирам двигаться в сторону дворца.

Носилки равномерно покачивались из стороны в сторону – в такт шагам эвиров.

Император прищурил глазки и, казалось, задремал. А Эрик, никогда еще не видевший царских особ так близко, совершенно не знал, как себя вести! Когда император задремал, Эрик с облегчением вздохнул и стал поглядывать за ширму в узкую щелочку.

Носилки, сопровождаемые воинами, выплыли из города и направились не в главный, а загородный дворец императора.

Эрик увидел полноводную реку, от которой к полям подходили оросительные каналы. Это была река Ху-ан-нЭ – самая большая в Татайском царстве.

По ней плыли узкие и длинные рыбацьи лодки, совсем не похожие на те, что были в его родной Свейнландии. Один из рыбаков в широкой шляпе держал в руках длинный шест. Время от времени он погружал его в воду, направляя лодку в нужную ему сторону, и пел чудную песню:

*Ху-ан-нЭ, Ху-ан-нЭ,
Тэ ун цай ма ун нэ...⁴*

Дальше Эрик слов не разобрал, потому что рыбак повернул голову в сторону. Зато император вдруг проснулся и, подавшись вперед, на тот же мотив что-то замаякал. От неожиданности Эрик не сразу понял, о чем была песня императора. А пелось в ней примерно следующее:

*Что на небе, что внизу –
Всё одно!
Что жизнь, что смерть –
Всё одно!
Что зло, что добро –
Всё одно!
Что горе, что радость –
Всё одно!..*

Пропев все это сладким голосом, Дзи Дзянь подмигнул Эрику и спросил:

– Понял?.. Всё – всё равно!.. Только те, кому всё – всё равно, получают блаженное бессмертие!.. А ты – за слюнявого мальчишку три золотые монеты заплатил! И какие монеты!!!..

Император любовно похлопал себя по поясу, за которым в шелковом мешочке были спрятаны монеты гнома.

В этот момент носилки остановились.

Дзи Дзянь отодвинул занавеску, и Эрик увидел у дороги целый отряд всадников, одетых во все чёрное. На них были длинные плащи с капюшонами, плотно облегающими головы. Нижняя часть лица каждого воина была закрыта черным куском материи, так что видны были только глаза. Видимо, отряд готовился к переходу через хакимские степи, где от ветра и от копыт лошадей поднимались целые облака пыли.

⁴ Ху-ан-нЭ, ты моя Ху-ан-нЭ!

Пусть над тобой никогда не заходит солнце... (перев. с татайского).

Трое всадников спешили, один из них, самый рослый, подошел к носилкам императора и склонился в почтительном поклоне.

Дзи Дзянь коснулся кончиками пальцев его головы, что служило знаком особой милости, затем повернулся к Эрику и произнес:

– Ты поедешь с ними, впереди главного войска. Горные духи открыли мне, что именно перед тобой откроются ворота неприступной крепости! Без этого наша победа невозможна... Отправляйтесь в путь, и силою Великого Красного Дракона вы захватите этот последний оплот врага!

Он легонько подтолкнул Эрика в спину, и тот выпрыгнул из носилок. Ему очень хотелось посмотреть на императорский дворец, но прежде чем он успел опомниться, двое воинов усадили его на небольшую лошадку, после этого они вскочили на своих коней, и отряд мелкой рысью направился в сторону татайских гор.

Глава 13.

Эрик узнает секрет татайских монахов

Рядом с Эриком скакал на такой же маленькой лошадке карлик-проводник. На нем тоже был плащ с капюшоном, но черной повязки не было, а вместо нее Эрик разглядел длинную раздвоенную бороду.

Карлик уверенно держался в седле, что же до Эрика, то он ехал верхом впервые и чувствовал себя прескверно.

К вечеру отряд миновал татайские горы и остановился на ночлег.

Эрик не знал точно, жив он или мертв. От постоянной тряски он чувствовал себя совершенно разбитым, и, когда лошадка остановилась, Эрик выскользнул из седла, упал на землю и так и остался лежать без движения.

Никто из воинов не обратил на него никакого внимания. Вероятно, все они находились в состоянии того блаженного равнодушия, о котором пел император, и до Эрика им не было никакого дела.

На следующее утро отряд снова двинулся в путь.

Теперь Эрик инстинктивно старался приноровиться к ходу своей лошадки и чуть пружинил в седле, в такт ее шагам.

Рядом с ним к седлу был приторочен тонкий меч в кожаных ножнах, но Эрику пока было не до него.

Всадники оказались воинственными монахами из ордена Хин-дзя. Главой этого ордена был великий воин БэтЭ МаЭн, про которого ходили упорные слухи, что он только наполовину человек, а наполовину – летучая мышь!

БэтЭ МаЭн не принимал лично участия в экспедиции, так как находился на далеких островах, затерянных в безбрежном океане. Поэтому во главе отряда стоял его лучший ученик Хэй Лю, исполняющий в мирное время обязанности начальника императорской гвардии.

В том, что монахи хин-дзя великолепно умеют обращаться с оружием, Эрик убедился, когда они, благополучно миновав хакимские степи, оказались в Тридевятом царстве.

Стараясь оставаться незамеченными для местных жителей, они, по указанию карлика-проводника, объезжали селения и пробирались прямо через лес.

И тут Эрик увидел то, чего не видел никогда в своей жизни.

Двое монахов спешили и, обнажив мечи, легкими взмахами рук начали валить деревья, подсекая их под самый корень. Они оставляли за собой целую просеку, по которой двигался весь отряд. Эрик не мог оторвать взгляда от их плавных движений...

На первой же остановке он отошел вглубь леса, выбрал для себя толстое поваленное дерево и, выхватив меч, нанес по нему сильный удар – точь-в-точь, как это делали воины хин-дзя.

Но не тут-то было! Удар следовал за ударом, а на коре дерева оставались лишь чуть заметные рубцы.

За этим занятием его застал Хэй Лю.

Молча отведя в сторону руку мальчика, он вынул свой меч и бесстрастно проговорил:

– Чтобы разрубить дерево пополам, нужно его возненавидеть лютой ненавистью, как злейшего врага: всем сердцем, всей душой, всей крепостью тела!.. И тогда твоя ненависть сделает то, чего не в состоянии сделать руки...

Он поднял над головою меч. Глаза Хэй Лю потемнели от гнева, руки напряглись... Эрику даже показалось, что на острие меча откуда-то сверху падают молнии! Хэй Лю с диким криком опустил меч, и он прошел через древесину, как нож сквозь масло!

Половина сосны с треском упала на землю. А Хэй Лю еще некоторое время простоял совершенно неподвижно, затем разогнулся, вложил меч обратно в ножны и, не оглянувшись, пошел к месту стоянки.

Пораженный и несколько озадаченный, Эрик отправился за ним.

Глава 14.

Поединок монахов

День за днем отряд медленно, но верно приближался к своей цели.

С Эриком так больше никто и не поговорил.

Карлик ехал рядом с ним молча. Иногда он выезжал вперед и знаком указывал Хэй Лю направление движения. За все время Эрик лишь один раз услышал его неясное бормотание:

– Хочешь попасть в ШамбалАйю-ВальхаАллу⁵... Как бы не так! Будешь сидеть в самой пасти Красного Дракона!..

Эти тихие слова предназначались Хэй Лю, который проскакал в это время мимо них. Но Хэй Лю ничего не услышал, зато их услышал Эрик, и голос старика показался ему очень знакомым. Но где и при каких обстоятельствах он его уже слышал, мальчик, как ни старался, вспомнить не мог.

Наконец, воины хин-дзя, а с ними и Эрик, выбрались из чащи дремучего леса и оказались перед цепью гор – не таких высоких, но более крутых, чем татайские

На самом верху одной из гор красовался вражеский замок-крепость. Его-то и надлежало взять с боем, и Эрику отводилась в этом сражении главная роль!

Тропа, по которой поднимался отряд, упиралась в высокую, почти отвесную скалу. В скале виднелось отверстие, только через этот ход и можно было проехать к замку. Но на их пути стояли крепкие ворота, с обеих сторон окованные железом, и отряд остановился в нерешительности.

И тут карлик указал на Эрика и произнес:

– Он откроет нам эти ворота!

Хэй Лю недоверчиво усмехнулся, а смущенный Эрик соскочил с лошади (к этому времени он научился это делать довольно-таки ловко) и приблизился к скале.

Эрик немного постоял перед воротами, потом подошел поближе и ощупал их рукой.

Ворота как были, так и остались плотно закрытыми.

Тогда он отошел немного назад и запрокинул голову. Что-то знакомое показалось ему в круглых башенках, виднеющихся за неприступными горными склонами. Где-то он их уже видел!..

⁵ ШамбалАйя-ВальхаАлла — Поднебесная страна, в которой оказался Иван-богатырь и в которую стремились попасть свейнландцы и жители Татайского царства после окончания жизненного пути.

И вдруг Эрик вспомнил! Ну да, конечно – в ту самую ночь, когда он летел на драконах и они получили такой сокрушительный отпор от чудесных огоньков, он видел именно эти башенки! Только тогда было темно, а теперь, при свете солнца, они так ярко и весело сияли, отражая его лучи!..

Это открытие несказанно поразило мальчика, и он с радостью в сердце подумал: “Хорошо, что я всего лишь маленький Эрик, а не могучий богатырь, вроде Хэй Лю! Впрочем, у Хэй Лю тоже ничего не получится, раз даже драконы потерпели здесь поражение!”

Его размышления прервал карлик. Он грубо закричал:

– Ты будешь открывать ворота, или нет?

– Я не могу! – ответил ему мальчик.

– Ты должен открыть эти ворота, и откроешь! – еще громче крикнул карлик, спрыгнул с лошади и подбежал к Эрику. – А если не захочешь сам, то мы тебя заставим!

– Но я не могу! – еще раз попробовал возразить ему Эрик.

– Ах, так! – рассвирепел вдруг карлик. – Тогда мы их на таран возьмем! – и он взглянул на молчавших до сих пор монахов и их предводителя Хэй Лю.

Воины нерешительно переглянулись.

– Да их никаким тараном не прошибешь! – произнес, наконец, Хэй Лю.

– А он на что?!.. Хватайте его и несите к воротам, тогда они откроются! А если нет...

Эрик не успел опомниться, как несколько хин-дзя подхватили его и понесли к воротам. Они бежали все быстрее и быстрее! До ворот оставались считанные шаги, когда они тихонько скрипнули и медленно отворились.

На пороге стоял старец Афанасий, как всегда – с посохом в руке.

Воины хин-дзя кинули Эрика и выхватили мечи. А мальчик покатился дальше и, влетев на территорию монастыря, ребольно ударился затылком о какой-то выступ.

– Что вам здесь надо? – сурово спросил старец и нахмурил брови.

Глаза его, обычно добрые и прозрачные, были сейчас жесткими и твердыми, как сталь, из которой были выкованы татайские мечи.

– Что с ним разговаривать?! – послышался позади воинов хин-дзя голос карлика. – Идите и делайте свое дело!

Воины бросились вперед, но перед старцем они остановились и, сколько ни старались, не могли продвинуться ни на шаг.

Карлик же пришел в неопишное бешенство.

– Во имя Красного Дракона! – закричал он Хэй Лю. – Иди вперед и убери этого старика с дороги!

Но Хэй Лю медлил. С одной стороны, не к лицу было ему, могучему воину, связываться с каким-то стариком. С другой стороны, вся эта неразбериха перед входом в ворота его несколько смущала, и он с недоумением наблюдал, как его воины топчутся на месте, бестолково размахивая мечами.

Тогда карлик распахнул плащ, вытащил из-за пояса длинную трость с золотым набалдашником в виде головы змеи и что есть силы ударил ею по крупу лошади, на которой сидел Хэй Лю.

– Вспомни, чему учил тебя великий БэтЭ МаЭн! – крикнул он ему вслед.

Поняв, что отступать некуда, Хэй Лю выхватил меч и с криком ринулся по тропе к воротам. Настало время решающего поединка. Лучший из монахов хин-дзя должен был встретиться один на один со старцем-монахом из Тридевятого царства!

Расстояние между ними сокращалось. Когда старец был уже совсем близко, Хэй Лю высоко поднял над головой свой меч.

Он вложил в силу удара всю ненависть, которую скопил за многие годы работы над собой. Если бы перед ним была каменная глыба, она разлетелась бы от его удара на тысячи кусков! Но перед ним был не камень, – перед ним стоял старец Афанасий. И через мгновение Хэй Лю почувствовал, что какая-то неведомая сила сбросила его с лошади, и он забился у ног старца Афанасия в жестоких судорогах.

Остальные монахи хин-дзя перестали молотить по воздуху руками и с ужасом наблюдали, что происходит с их предводителем.

От тела Хэй Лю отделилось облако черного дыма и, постояв некоторое время над ним, медленно поползло в сторону вспыхнувшего где-то за горизонтом зарева.

Старец наклонился над Хэй Лю и положил ему руку на лоб...

Хэй Лю постепенно затих. Он словно погрузился в глубокий сон. Черты его лица разгладились и дышали миром и покоем.

– Бросьте оружие и занесите его во двор монастыря, – приказал старец оторопевшим и ничего не понимающим хин-дзя.

Те послушно побросали мечи и, подхватив Хэй Лю, внесли его в ворота.

К старцу неторопливо и сохраняя достоинство подошел карлик. Он откинул капюшон, и Эрик узнал в нем того гнома, который явился к нему в ночь праздника Хэллдаун, с чего, собственно, и начались все его приключения (точно будет сказать – злоключения).

Не доходя до старца несколько шагов, гном остановился и, выставив вперед бороду, сказал:

– А мальчика я все-таки у тебя заберу! – он кивнул в сторону Эрика и ехидно добавил. – Девиз гномов: я – тебе, а ты – мне! Я выполнил твоё заветное желание – отправил в военный поход. Теперь ты должен следовать за мной!

Эрику стало страшно. Ничего хорошего ждать от гнома не приходилось.

Но тут вступил в разговор старец Афанасий:

– Я дам тебе за него выкуп!

– Что ты можешь дать мне? Ты – нищий монах, у которого нет даже мелкой разменной монеты?!

– Ты ошибаешься, ГульденстЕн, – отвечал ему старец, назвав гнома по имени, – у меня есть три золотые монеты, те самые, что ты дал мальчику, прежде чем он отправился в поход.

– Ты врешь, старик! – закричал гном. – Эти монеты находятся у татайского императора!

Но старец протянул руку, и в его ладони заблестели три большие золотые монеты с изображением извивающегося змея.

– Деньги, потраченные на милостыню, принадлежат моему Господину, – отчетливо произнес старец, – и Он может распоряжаться ими по Своему усмотрению! Сейчас Он возвращает их тебе через меня – Своего недостойного слугу.

Гном как-то странно ввизгнул. В его глазах загорелись огоньки алчности, а руки сами собой потянулись к золоту!

Но едва только он коснулся монет, как закричал от боли – будто прикоснулся к чему-то раскаленному!

– Ты обманул меня, старик! Я не могу их взять – они обжигают мне пальцы! Убери!.. Убери их от меня скорее!..

От монет исходил яркий свет, и гном, морщась от боли, отступал все дальше и дальше.

– Уходи! – произнес старец Афанасий. – Уходи и не смей больше приближаться к монастырю.

Гном что-то пробормотал в ответ, потом замахал руками и пропал, словно сквозь землю провалился.

Глава 15.

Битва с драконом

Поражение Хэй Лю на деле обернулось для него настоящей победой над тем, кто многие годы был для него властителем всех его дум и желаний.

Черный змееныш, порождение Красного Дракона, против своей воли вылетел из Хэй Лю и дымным облаком поспешил к своему хозяину.

Подлетев к нему, он растворился в драконьем теле, и как раз вовремя. Дракону ох как нужны были сейчас свежие силы!

Красной громадой навис он над тем местом, где когда-то Иван-богатырь отведал отравленного яблока.

А сам Иван горестно взирал с высоты на все, что происходило на земле. Он видел, как татайский император стягивает свои несметные полчища к Тридевятому царству. Видел, как блаженствует дракон, в пламени которого по ночам мучаются те люди, которые так легкомысленно бросились в заколдованную реку. Да и сама река Белая сильно измельчала и превратилась в Русальи болота, мимо которых остерегались проходить путники.

Но сейчас около ее берега, поросшего камышом, стоял человек, совсем еще юный, а вокруг него толпились дети, которых он собрал, обойдя все окрестные леса.

Иван сразу узнал в этом человеке монаха Романа, с которым он когда-то совершил свое первое путешествие в Радостную страну. В великой скорби разрывалось сердце богатыря от сознания, что он ничем не может помочь своему другу!

А Красный Дракон уже раздувался от злобы и ярости, чуя в Романе опасного врага! И был совершенно прав!

Роман преклонил колени, за ним встали на колени все дети, и они запели дивную песнь, прося Всевидящего Творца о прощении грехов Ивану-богатырю, чтобы он заступился за брошенных детей и встал могучей грудью на защиту своей гибнущей землицы!

Слезы потекли по щекам Ивана, и он горячо зашептал:

– Не меня ради, не ради славы моей дурной! А ради этих сирот, – верни мне, Господи, силу богатырскую!

И услышал Иван над собой чудное пение. И тихий голос произнес слова, от которых сотряслась вся земля:

– Встань, Иван! Ради сирот обездоленных прощается тебе твой грех гордости.

Дивный Свет озарил его исстрадавшуюся душу. И увидел Иван, как конь его Бурушка-косматушка, словно птица небесная, воспарил в небеса! В Свете том блистающем стал он из бурого ослепительно белым, а откуда-то сверху спустились к нему два больших лебединых крыла.

Заржал конь Ивана громко и радостно, закусил удила, готовясь к великой битве. А Иван почувствовал, что стал во сто крат сильнее супротив прежнего! Вскочил он в седло, выхватил сверкающий меч и быстрым соколом упал на своего лютого врага.

Не ожидал дракон такого поворота событий, завертелся юлой под ударами богатыря. А Иван – знай себе, рубит ему головы направо и налево!

Опомнился дракон, подхватил лапами отрубленные головы, чиркнул по ним золотым когтем, подбросил вверх... и стал, как и прежде – о двенадцати головах! Приросли головы крепко, глазами красными на Ивана сверкают, клубы горячего дыма и жаркого пламени из ноздрей на него выпускают!

Бьется Иван с драконом, и не видно той битве жестокой ни конца, ни краю...

Вдруг заметил богатырь, что внизу – друг его Роман кричит громко и в руке что-то Ивану протягивает. Как увидел это дракон, бросил биться с богатырем и огненной стрелой понесся вниз.

Но и Иван – не промах! Быстрее его на своем крылатом коне к Роману спустился и выхватил у него из рук маленький кувшинчик. А в кувшинчике том – вода живая, для дракона – хуже и не бывает!

Рубит мечом ему Иван головы и водой живой на раны кропит. А тот – сколько по ним золотым когтем ни чиркает, головы обратно не прирастают!

Упало несколько капель живой воды и на Русальи болота. Превратились они снова в быстрюю, чистую реку, и из нее выскочили к своим детишкам люди, что томились в плену.

А у дракона уже одна голова осталась!

Взвыл он в тоске смертной, изловчился, ударил из последних сил хвостом по рукам богатыря, выбил у него меч и, что было духу, помчался наутек. Иван – за ним.

А как над поляной с Большим Дубом оказались, спустился Иван вниз, выдернул дуб из земли и швырнул вслед летящему дракону. Сшиб дуб последнюю драконью голову, рухнула она вместе с телом вниз, прямо на деревья.

– Я всегда говорил, что детей нужно душить!.. Еще в колыбели... а еще лучше... – еле слышно прошептал дракон, заскреб лапами по земле, кое-как, боком, прирастил себе последнюю голову, ударился о землю и... превратился в золотого червя!

Налетел на него Иван, но червяк успел юркнуть в землю и напоследок крикнул:

– Я еще вернусь!

– Вернешься ты – вернусь и я! – ответил ему богатырь. Потом ударил ногами своего верного конька по крутым бокам и помчался к Татайскому царству – на полчища императора Дзи Дзяня.

Глава 16.

Заключительная

Ну вот, кажется, и всё. Подошла к концу наша история. Но вы, конечно, хотите знать, что случилось потом с мальчиком Эриком? Ну что ж, давайте посмотрим, что происходило в монастыре после поединка Хэй Лю и старца Афанасия.

Старец Афанасий сидел на лавочке перед своей кельей, а Эрик был где-то неподалеку. Рядом со старцем, склонив голову, стоял Хэй Лю и внимательно слушал его наставления:

– В сердце человека должна быть не ненависть, – говорил ему старец, – и не блаженное равнодушие, а искреннее раскаяние в злых делах, которых у нас всех – очень много, и просьба о помиловании. Тогда, поверь мне, Господь обязательно простит тебя и

напитает твое сердце Своей великой любовью! И ты сможешь по-настоящему полюбить людей и служить им, а как – это уж Господь Сам для тебя определит. И тебе, и Сен По уходить из монастыря не нужно...

– Я тоже хочу остаться здесь! – не выдержал Эрик.

Старец встал и подошел к нему.

– Тебе пока нельзя здесь остаться – ведь тебя ждет дома отец! Кроме тебя у него никого больше нет! Он ждет тебя... Но когда-нибудь ты сюда вернешься. Обязательно вернешься – ты веришь мне?

Эрик доверчиво взглянул в глаза старца Афанасия. Конечно, он верит ему! Уж если старец Афанасий сказал – значит, так оно и будет! Эрик даже зажмурился – такой у старца был взгляд – добрый и светлый.

А когда открыл глаза, то увидел, что стоит на той самой улице, где находится его дом!

И у самого дома его ждет отец – кукольник Ольнер. Он стоит у крылечка и смотрит вдаль – не идет ли его сын, маленький Эрик?

С тех пор кукольник Ольнер никогда больше не делал таких страшных игрушек, как те, что он подарил своему сыну на странный праздник Хэллдаун.

А те игрушки Эрик... знаете, что он с ними сделал?.. Правильно, вы угадали.

Конец